

КОЗЮРЕНОК

Константин Львович

ГММ А.В. Суворова,

старший научный сотрудник

ИМПЕРАТОР ПЕТР III И ЕГО ФЛАГМАНЫ

Внутренняя политика Петра III давно является одной из дискуссионных проблем в историографии российского XVIII в. Долгое время она рассматривалась в двух плоскостях, пересекавшихся сравнительно редко. С одной стороны, это общие традиционно негативные оценки, обусловленные однозначно отрицательной характеристикой личности самого императора. С другой же стороны, серьезное изучение отдельных актов правительственной деятельности этого царствования, в первую очередь, таких важных, как Манифест о вольности дворянства или ликвидация Тайной канцелярии. Но общий контекст внутренней политики краткого петровского правления не привлекал внимания исследователей.

Лишь относительно недавно появились обобщающие работы, где специально рассматривается эта проблематика. Одни авторы пытаются пересмотреть устоявшиеся стереотипы¹, другие обосновывают традиционную точку зрения, „что истинным автором реформ был не сам Петр, а его министры... никакой определенной политической программы у императора нет“ и „внутренняя политика Петра... свидетельствует о ее крайней противоречивости и непоследовательности“². Но при этом до сего времени отсутствуют специальные исследования по какому бы то ни было из аспектов внутренней политики Петра III, которые были бы основаны на введении в оборот значительного комплекса новых источников. Поэтому обобщения строятся главным образом на немногочисленных работах предшественников и опубликованных законодательных актах.

Как это ни парадоксально, но, несмотря на то, что все биографы неизменно подчеркивают „страсть Петра Федоровича к военщине“, наименее изученной является именно деятельность императора на военном поприще. В отечественной историографии эта тема не стала предметом сколько-нибудь углубленного исследования и господствующим остается мнение, что „в короткий период своего царствования он провел ряд законов,

которые приближали русскую военную систему к чуждой ей прусской⁴³. Имеется и противоположное утверждение, что петровские „нововведения в военной сфере в большинстве своем довольно разумные“⁴⁴. Но и оно не подкреплено анализом источников. Остается неизученной деятельность работавшей под непосредственным руководством императора Военской комиссии⁵. Весьма интересно было бы проследить политику Петра в отношении офицерского корпуса, особенно в сравнении с предшествующим периодом Семилетней войны и первыми годами екатерининского царствования⁶. Конкретные меры императора по реорганизации армии и гвардии также ждут своего исследования⁷.

Еще меньше известно о деятельности Петра III в военно-морской области. Между тем исследователи неизменно отмечают повышенное внимание императора к российскому флоту, сжатая характеристика положения которого при этом государе впервые была дана в работе Ф.Ф. Веселаго⁸. Источниками для нее послужили опубликованные в X части „Материалов для истории русского флота“ высочайшие указы Адмиралтейств-коллегии, выписки из ее протоколов и ряд других документов за январь-июнь 1762 г.⁹ В последующих работах историков флота вплоть до современности данный вопрос излагался уже в основном по Веселаго, но в очень урезанном виде¹⁰.

На страницах „Краткой истории русского флота“, посвященных времени Петра III, упомянуто и о созданной императором морской Комиссии. Но в распоряжении Ф.Ф. Веселаго был единственный источник по ее деятельности, опубликованный в „Материалах для истории русского флота“ – „Высочайший указ членам комиссии для разобранья служащих на флоте, 1762 года февраль“ (заголовок и датировка составителей публикации – К. К.)¹¹. Однако указ содержит лишь инструкцию членам комиссии. Незнакомые с этим документом Л.Г. Бескровный и А.С. Мыльников упомянули в своих работах про создание в 1762 г. „комиссии по улучшению положения военно-морского флота“ на основании высочайшего указа Сенату от 16 февраля 1762 г. о ее учреждении, опубликованному в Полном собрании законов Российской империи¹². Но еще в 1868 г. известный историк флота С.И. Елагин, первым опубликовавший вышеупомянутую инструкцию членам Комиссии, обнаружил также и доклады ее Петру III¹³. Позднейшие исследователи прошли мимо этого открытия и деятельность морской Комиссии 1762 г. остается неизученной.

Нам удалось обнаружить в фондах Российского государственного архива военно-морского флота часть документов, относящихся к работе этой Комиссии, которые, очевидно, и были известны С.И. Елагину. Речь идет

о пяти всеподданнейших докладах от 16 и 29 марта 1762 г. Они содержат в себе предложения и мнения по вопросам, поставленным перед Комиссией в инструкции императора от 16 февраля 1762 г. История непростой архивной судьбы этих источников была изложена во введении к подготовленной нами комментированной публикации трех из них, а также высочайших указов Сенату о создании Комиссии и ее членам с инструкцией о работе¹⁴.

Особое внимание надо обратить на то, что Комиссия была вневедомственной и подчинялась лично императору. Возлагая на Сенат обязанности по обеспечению ее деятельности, Петр четко определил, что эта Комиссия суть „единственно от собственных наших указов зависящая“¹⁵. В указе же ее членам о задачах будущей работы самодержец подчеркнул, „что вы зависимы единственно от наших повелений, что можете сочленами и помощниками себе принять, кого к тому нужным и способным найдете, и все те известия и служителей получать, какие токмо потребны быть могут“¹⁶. Комиссию составили четверо самых опытных и авторитетных флагманов российского флота выучки Петра Великого: Вилим Фомич Люис, Семен Иванович Мордвинов, Федор Сергеевич Милославский и Алексей Иванович Нагаев¹⁷. Целью их собрания император поставил „изыскать к нам такой полный план представить“, по которому можно было бы „сделать и во всегдашней исправности содержать такой флот, который бы надежно превосходил флоты прочих на Балтийском море владычествующих держав...“¹⁸. В задачи Комиссии, также сформулированные указом Петра III от 16 февраля 1762 г., входило составление обоснованной программы судостроения, предложений по организации снабжения флота всеми видами запасов, включая стратегически важные корабельные леса, комплектованию личным составом, улучшению системы базирования, верфей и так далее¹⁹.

Но первое и самое главное поручение самодержца Комиссии мы считаем нужным процитировать дословно: „Презрев недостойное нашей к вам поверенности и звания верных рабов лицепрятие, а памятуя один долг и нашу волю безпристрастно рассмотреть, кто из настоящих флаг и прочих офицеров к действительному их должности исполнению прямо способен и кто вышензображенному намерению (об усилении флота – К. К.) содействовать и исполнителем оного быть может, кто напротив того или тунеядцы или и со всею доброю охотою неспособны однако ж к сей службе, и о таковых нам представить, дабы первые милостию нашей взысканы и к дальнейшей ревностной службе поощрены, а другие или как неключимые отставлены или к другой службе с большею пользою употреб-

лены быть могли. ... Здесь отнюдь не надобно вам размышлять, принадлежит ли вам рассматривать так строго о вышних или равных себе: уверенность наша к вам вас к тому уполномочивает и неисполнение сего будет должности вашей преступлением²⁰. Обосновывая свое задание на аттестацию офицерского корпуса, император совершенно справедливо указывал членам Комиссии: „Во-первых памятовать надлежит, что сила и знатность флота не в одном великом числе кораблей, матросов и корабельных пушек состоит, но что, во-первых и главнейше, потребны к тому искусные флагманы и офицеры... без того самый лучший и на самых неоспоримых надежностях основываемый вами план никогда во исполнение приведен быть не может, если не достанет также искусных и также ревностных исполнителей“²¹.

Ровно через месяц после выхода цитированного выше высочайшего указа, 16 марта 1762 г., Комиссия представила Петру III доклад об офицерском корпусе флота²². Ее члены были весьма компетентны в этом вопросе и, более того, знали практически всех морских офицеров лично, ведь четверо флагманов служили на флоте не один десяток лет. А.И. Нагаев являлся бывшим, а Ф.С. Милославский действующим директором Морского шляхетного кадетского корпуса, С.И. Мордвинов и В.Ф. Люис командовали эскадрами на Балтике в кампаниях Семилетней войны. Итак, Комиссия рапортовала государю, что „во первых же рассматривала о флаг и других флотских морских и солдатских, также морской артиллерии и при отправлении надлежащих при адмиралтействе должностей афицерах, простирая оное и до самых нижних афицеров. И наблюдая всемилодивейшую вашего императорского величества уверенность и присягу, кто в положенном по нынешнему штату числе из флаг и других афицеров службу вашего императорского величества продолжать может и кто за чем неспособен, которым при сем всеподданейшем вашему императорскому величеству докладе приносит списки даже до лейтенантов“²³.

Эти заверенные подписями членов Комиссии списки, отдельно по офицерам корабельного и галерного флотов, чином адмиралтейским, морской артиллерии, морских солдат, корабельным мастерам и тем, кто подавал прошение об отставке, приложены к докладу²⁴. На одну их немаловажную особенность флагманы обращали высочайшее внимание особо: „Как ис приложенных списков ваше императорское величество усмотреть соизволите, [комиссия] представляет о том, что некоторые в разных чинах офицеры младшие написаны в списке выше страших, ис которых первые заслуживают то по лучшему пред прочими достоинству за ревность к службе и знание морского искусства, от которых и впродолжение добрых заслуг

ожидать надежно, а и другие хотя б до такого искусства и не дошли, однако кандуит имеют доброй и морскую службу продолжать способны. По сим обстоятельствам лутчим и преимуществу их представляется“²⁵. Петр III утвердил рекомендации Комиссии и серией высочайших указов Адмиралтейств-коллегии от 30 апреля 1762 г. об отставках, производствах и назначениях претворил их в жизнь²⁶.

Однако император не просто одобрил то, что было представлено ему на подпись. Вполне разумно положившись на мнение доверенных специалистов относительно обер- и штаб-офицеров флота, Петр Федорович сам рассмотрел „комисские разсуждения“ относительно флагманов — адмиралов, вице-адмиралов, контр-адмиралов корабельного флота. Напомним, что в то время по штату в корабельном флоте полагалось „состоять“ генерал-адмиралу, двум адмиралам и по три вице-адмирала и контр-адмирала. На полях подлинных списков, напротив многих фамилий лиц высшего командного состава, одним и тем же почерком, отличным от того, которым написан весь документ, начертаны краткие резолюции, что могло быть сделано только под диктовку государя. Нередко они решают судьбу флагманов иначе, чем предлагала Комиссия, но именно так, как затем было утверждено высочайшими указами. Итак, об адмиралах император имел собственное мнение, поскольку знал их лично. Каково же оно было и как соотносилось с коллегиальными оценками авторитетных морских специалистов Комиссии?

Первым в списке стоит президент Адмиралтейств-коллегии генерал-адмирал князь Михаил Михайлович Голицын, с 1749 г. формально возглавлявший военно-морской флот России. „Комисское разсуждение“ о нем кратко: „За старостию и болезнми более трех лет в коллежское присутствие не приезжает и по своему чину должности отправлять уже не в состоянии“²⁷. Окончательное решение судьбы своего непосредственного начальника члены Комиссии, конечно, оставили на высочайшую волю. Впрочем, сам семидесятисемилетний генерал-адмирал срочно подал императору челобитную об отставке, написанную в стиле полувековой давности. Жалуясь на „глубокую старость“, „многие болезни“ и „превеликую слабость“, князь просил не только увольнения „вовсе от службы“, но и „наградить меня как верного подданного и раба Вашего Императорского Величества деревнями, или чем вашему Императорскому Величеству всевысочайше угодно будет...“²⁸. Петр III решил отставить Голицына „с половинным по чину его жалованьем из флотской суммы“²⁹.

Бывший президент Адмиралтейств-коллегии, начавший службу еще в 1703 г., был, пожалуй, самым характерным представителем моряков вре-

мен Петра I, которые позднее, попав в верхи военно-морского ведомства, превратились из боевых офицеров в бюрократов. Эти отжившие, хотя и не лишённые способностей и знания люди, державшиеся системой придворных и служебных связей и импониравшие длительностью службы и „опытностью“, постепенно стали только помехой в развитии военно-морского дела и тем более боевой деятельности флота³⁰. К той же когорте можно причислить адмирала А.И. Головина и генерал-кригс-комиссара князя Б.В. Голицына. Оба, по свидетельству членов Комиссии, „к должности своей не ездили“ уже более двух лет, а в отставку просились еще более года назад³¹. Однако соответствующий доклад Адмиралтейств-коллегии, направленный тогда в елизаветинскую Конференцию при высочайшем дворе, остался без ответа. Поэтому коллегия еще 26 февраля 1762 г. подала новый доклад с просьбой об их отставке теперь уже Петру III³². Император, очевидно, с удовольствием пошел навстречу желанию ветеранов, произведя при этом Голицына в соответствовавший его должности чин полного адмирала³³.

Наличие подобных реликтов на высших должностях в морском ведомстве объяснялось, на наш взгляд, не только придворными связями или родовитостью. Они прекрасно вписывались в идеологическую доктрину елизаветинского царствования, олицетворяя ее стержень – культ Петра Великого³⁴. Насколько упорна была императрица в восстановлении существовавшей при ее батюшке структуры учреждений Адмиралтейств-коллегии, невзирая на все доказательства моряков о полной нецелесообразности этого, настолько же сознательно она назначала на высшие флотские должности лиц, единственной заслугой которых было получение офицерских чинов еще от „блаженной памяти государя Петра Алексеевича“. Так, оба Голицыных и Головин десятки лет не выходили в море, занимали самые разные должности по гражданской и дипломатической части³⁵. Однако в начале 1750-х гг. именно они оказались на руководящих постах в Адмиралтейств-коллегии как символы петровского флота, знаковые фигуры внешней приверженности его традициям.

Впрочем, не все „вечно вчерашние“ к 1762 г. столь тяготились своим положением и безропотно просились в отставку. Адмирал Захар Данилович Мишуков, в молодости входивший в „ближний круг“ царя Петра, в 1730-е не ладивший с начальством, а потому пребывавший в неизменном фаворе у Елизаветы Петровны, сам уходить не собирался, хотя и „ныне собранию коллегии объявил, что за старостию на море служить не может“³⁶. В отличие от трех вышеупомянутых „паркетных адмиралов“, Мишуков не только много сражался на море при Петре I, но и командовал корабель-

ным флотом в войне со Швецией 1741–1743 гг., кампаниях 1757, 1758 и 1760 гг. Семилетней войны³⁷. Правда, действуя против шведов, он отличился лишь своей нерешительностью, в 1757 и 1758 гг. огромным числом больных на эскадре, а в 1760 г. – полным провалом попытки захватить под его началом прусскую крепость Кольберг с помощью морского десанта. Получив от Захара Даниловича вместо очевидно ожидаемого прошения об отставке „по собственному желанию“ цитированный выше демонстративный отказ выполнять свои служебные обязанности, члены Комиссии не без некоторой растерянности донесли императору: хотя „в Адмиралтейском регламенте напечатано, что в коллегии члены обыкновенно выбираются из старых или увечных которые малю удобны уже к службе воинской, по силе которого и следовало б ему присутствовать в коллегии, но за глубокою ево старостию и дряхлостию и ту должность отправлять признаваться не может“³⁸.

Петр Федорович просто отправил и этого ветерана в заслуженную отставку, без прошения и уже без пенсии, чем, наверное, немало обидел. З.Д. Мишуков скончался 1 декабря того же 1762 г. и был погребен в тогдашнем пантеоне столицы – Александро-Невской Лавре. Можно было бы считать это просто данью уважения к покойному флотоводцу, вплоть до преклонных лет не сходящему с палубы корабля, если бы не неожиданное „возвращение во власть“ князя М.М. Голицына, состоявшееся спустя два дня после свержения Петра III. Едва оказавшись на престоле, Екатерина 1 июля „указать соизволила генерал-адмиралу князю Голицыну, который был от службы отставлен, присутствовать как в Сенате, так и в Адмиралтейств-коллегии по прежнему“³⁹. Про трехмесячной давности нижайшую челобитную старца об отставке никто и не вспомнил, включая его самого. Вряд ли у Голицына вдруг открылось какое-то „второе дыхание“, тем более что уже в декабре 1762 г. императрица на этот раз окончательно уволила его со службы, сохранив ежемесячное полное жалование в семь тысяч рублей, право иметь у своего дома в обеих столицах почетный караул и оставить при себе офицера-адыютанта, который вел „домашние дела“. Таким образом Екатерина Алексеевна и здесь очень последовательно разыгрывала ту же карту, как до нее Елизавета Петровна: свергнутый предшественник попирает заветы Петра Великого и преследовал его соратников, новая правительница-избавительница восстанавливает их всех в прежней силе.

Но все это пока в скором будущем, через несколько месяцев, а в марте 1762 г. Комиссия рекомендовала Петру Федоровичу сохранить на своем месте лишь одного полного адмирала – Ивана Лукьяновича Талызина,

который „на море не служивал и во флотском комплекте не состоит, а при адмиралтействе происходя разными чинами службу продолжает з доброю охотою, потом и по долговременной ево ко отправлению адмиралтейских дел привычке в коллегии присутствовать способен“⁴⁰. Император не оставил никаких пометок напротив этой фамилии и Талызин продолжил „присутствовать“ в Адмиралтейств-коллегии, где за все недолгое правление Петра III имел лишь одно поручение: „в казначейской конторе над денежною казною смотрение иметь по прежнему“⁴¹. Иван Лукьянович действительно много лет служил по экипажеской части, но гораздо важнее было то, что он являлся близким родственником А.П. Бестужева-Рюмина и Н.И. Панина. Наверное, это был едва ли не единственный случай, когда Петр Федорович допустил ошибку, согласившись с рекомендацией Комиссии. Именно И.Л. Талызин 28 июня 1762 г. приведет к верности Екатерине Кронштадт и лишит свергаемого императора последнего реального шанса на спасение. Наградой адмиралу станет высший российский орден Св. Андрея Первозванного и кратковременный карьерный взлет к должности докладчика императрице по морским делам⁴².

Думается, что наряду с принадлежностью к семейному клану Паниных, причиной участия И.Л. Талызина в заговоре против императора была обоснованная боязнь за участь своей карьеры. Петр III не доверил ему участие в Комиссии, с помощью которой решительно расчищал верхние эшелоны флотской иерархии, и у Ивана Лукьяновича могли быть все основания полагать, что удержался он случайно и ненадолго. Согласно регламенту, во „флотском комплекте“ полагался один генерал-адмирал и два полных адмирала. Первый из этих чинов Петр Федорович не дал никому, возможно, решив превратить его в должность для подрастающего наследника Павла, что спустя год и было сделано Екатериной. Освободившимся адмиральским чином император пожаловал самого старшего члена Комиссии, вице-адмирала В.Ф. Люиса. При этом резолюция гласила: „В адмиралы во флот“⁴³. Уже 10 апреля Петр „всемилоостивейше изустно соизволил ему повелеть в наступающей кампании над флотом быть главным командиром“⁴⁴, а через двадцать дней вышел и высочайший указ о производстве⁴⁵.

В тогдашней военно-морской иерархии ключевая должность генерал-кригс-комиссара, ведавшего всеми видами снабжения, котировалась на уровне полного адмирала, недаром князь Б.В. Голицын получил этот чин при отставке. Но императорская резолюция „на место Голицына“ была поставлена в списке против фамилии контр-адмирала Василия Ивановича Ларионова⁴⁶. Он обладал огромным практическим опытом по организа-

ции снабжения флота почти во всех регионах от Астрахани до Архангельска и от Казани до Якутска, фактически руководил подготовкой эскадр к кампаниям Семилетней войны⁴⁷. С точки зрения дела это была наиболее предпочтительная кандидатура на такую должность. Однако из-за отсутствия вакансий произвести Ларионова в следующий чин было пока нельзя, и Петр III, вопреки принятому порядку, назначил его генерал-кригс-комиссаром в прежнем чине⁴⁸. Мы не знаем, претендовал ли И.Л. Талызин на эту должность, хотя по всем формальным признакам имел полное основание на нее рассчитывать. Но то, что в рабочей связке Люис – Ларионов он оказывался не у дел и лишь занимал вакансию, было очевидно. С учетом же явно невыигрышных в глазах императора родственных связей судьба Талызина могла решиться в любой момент, так как Петр Федорович уже показал, что не испытывает никакого пиетета перед „священными коровами“ предыдущего царствования.

Еще более решительно император выдвигал рекомендованных ему Комиссией людей в младших флагманских чинах. Главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал Гейгарт Антони Кейзер был намечен к отставке, так как „ныне почасту бывает в болезни, чего ради ко отправлению в Кронштадтском порте дел в помощь к нему определяются из флотских капитанов, и потому он Кейзер как во флоте служить, так и у дел быть не способен“⁴⁹. Тогда же на его место Петр III решил поставить вице-адмирала Андрея Ивановича Полянского, лучшего российского флотоводца Семилетней войны, особенно отличившегося при захвате Кольберга в 1761 г.⁵⁰ Назначать его на командную должность в корабельный флот Комиссия не рекомендовала, поскольку „в здоровье своем против прежнего ослабел, как от времени до времени, а паче ныне, видимо; потому морскую службу нести не способен, разве не соизволено ль будет присутствовать ему в коллегии“⁵¹. Император справедливо рассудил, что этот человек принесет пользу, начальствуя главной базой Балтийского флота. Кстати, он мог быть и самым реальным претендентом на чин полного адмирала, откройся такая вакансия после Талызина.

Тем не менее задуманная перестановка не состоялась, потому что 1 мая 1762 г. вице-адмирал Кейзер скончался в Кронштадте и на его место временно „впредь до указа“ был назначен исполнявший там уже седьмой год должность капитана над портом князь Степан Михайлович Мещерский⁵². Этого контр-адмирала Комиссия аттестовала как „службу продолжать во флоте способного“, а Петр Федорович произвел в контр-адмиралы на одну из двух открывшихся после Люиса и Кейзера вакансий⁵³. Чтобы не заниматься рокировкой флагманов во время уже открывшейся кампании,

А.И. Полянский был временно оставлен в Ревеле, куда пришел со своей боевой эскадрой из-под Кольберга в прошлом году.

На вторую вице-адмиральскую вакансию Петр III произвел члена Комиссии контр-адмирала Семена Ивановича Мордвинова, знаменитого российского военно-морского деятеля и фактического главу Адмиралтейств-коллегии в первые годы екатерининского царствования⁵⁴. Мордвинов, правда, решительно утверждал в своих воспоминаниях, что уже после пожалования этого чина „поручен мне весь флот и коллегия с адмиралтейством, хотя тут и были адмирал Талызин и Люис“⁵⁵. Это весьма сомнительно, хотя, возможно, он с мая месяца действительно объявлял коллегии высочайшие повеления, как на это указывал С.И. Елагин, поскольку состоявшие при должностях флагманы должны были отбыть к их исполнению в связи с началом кампании⁵⁶. Во всяком случае, вопрос о том, почему 28 июня 1762 г. Мордвинов выступил против Петра Федоровича и присоединился к И.Л. Талыzinу в его „взятии Кронштадта“, требует отдельного изучения.

Единственным членом Комиссии, не пожалованным в чин, остался контр-адмирал Федор Сергеевич Милославский, который еще в январе 1762 г. подал в Адмиралтейств-коллегию рапорт о том, „что как от болезни, так и от старости лет пришел в крайнюю слабость и положенных дел понести не в состоянии и просит об отпуске в дом ево для поправления здоровья на летние месяцы...“, к чему был приложено соответствующее заключение врача. В целом же члены Комиссии сообщали, что их товарищ „хотя службу продолжал з доброю охотою, но за объявленную слабость в службе быть уже не способен“⁵⁷. Император разрешил предоставить контр-адмиралу отпуск, но формально со службы не отпустил, вероятно в связи с тем, что Ф.С. Милославский исполнял обязанности директора Морского шляхетного кадетского корпуса, который по указу Петра III и проекту И.И. Шувалова в это время объединялся с сухопутным и артиллерийским в одно учебное заведение⁵⁸.

В итоге из трех контр-адмиральских чинов в корабельном флоте вакантными оказались два, поскольку Петр Федорович не прислушался к „комисскому разсуждению“ о контр-адмирале Дмитрие Лаптеве, который „службу продолжал з доброю охотою, но по немалой ево в Камчатской экспедиции бытности здоровьем пришел в слабость, и потому комиссия разсуждает на море служить не способен, и не соизволено ль будет по силе регламента присудствовать ему в коллегии“⁵⁹. Император отправил ветерана Первой Камчатской экспедиции Беринга в почетную отставку „с чином вице-адмирала и с половинным по сему чину жалованьем из статских доходов“⁶⁰.

Первое производство на открывшиеся вакансии не вызывает удивления, так как контр-адмиралом стал капитан-командор Алексей Иванович Нагаев, уже облеченный исключительной доверенностью Петра III при назначении в столь малых чинах членом Комиссии, решавшей судьбу высших офицеров флота⁶¹. Но затем самодержец в полной мере воспользовался своими prerogativami. Представляя капитана 1-го ранга Григория Андреевича Спиридова в качестве исключения к чину капитан-командора, Комиссия сочла необходимым изложить в пространном обосновании, что „хотя он ниже объявленных и моложе, но в морском искусстве пред прочими имеет преимущество, и на море всегда находился при флагманах, к тому и в данном ему от генерала-лейтенанта Румянцева аттестате изображено: будучи под Кольбергом с командою морских салдат и матроз полковником на правом фланге при атаке и взятые неприятельских батарей и прочих сражениях... поступал как надлежит честному и храброму офицеру; сих ради резонов и написан выше“⁶². Очевидно, что для Петра Федоровича рекомендация П.А. Румянцева была лучшим ручательством за достоинства офицера, к тому же император определенно стремился выдвигать моряков, зарекомендовавших себя в кампаниях Семилетней войны. Поэтому будущий победитель при Чесме Г.А. Спиридов, скорее всего неожиданно для себя, так и для членов Комиссии, стал сразу контр-адмиралом.

При мизерном числе вакансий во флагманских чинах, десятилетиями не осуществлявшемся в елизаветинское правление производстве и геронтократии в офицерском корпусе флота, этот акт Петра III должен был произвести большое впечатление. Но любопытно, что в высочайшем указе от 30 апреля 1762 г., официально объявившем о вышеперечисленных пожалованиях чинами, значится и еще один контр-адмирал из капитанов 1-го ранга – Никифор Молчанов⁶³. В списке же Комиссии он рекомендован к производству лишь в капитан-командоры, сразу вслед за Г.А. Спиридовым, как первый по старшинству, и никаких пометок напротив фамилии Молчанова нет⁶⁴. Сам он исправляя в это время должность главного командира Архангельского порта и ничем особенным не выделялся. Более того, вскоре после получения чина, контр-адмирал угодил под суд, по официальной версии за упущение при заключении торгов, самовольное заключение контракта и „ослушание указов коллегии“⁶⁵. Чем было вызвано производство Никифора Молчанова, неясно. Быть может, император посчитал, что в связи с началом форсированного судостроения в Архангельске там должен начальствовать флагман, а быть может, это был жест в поддержание священного принципа старшинства, демонстративно „урав-

новесивший“ феерический взлет Спиридова. Непонятно также, откуда была взята лишняя контр-адмиральская вакансия. Можно лишь предположить, что пребывавший в отпуске Ф.С. Милославский де-факто считался уже получившим отставку. Во всяком случае, вопрос нуждается в специальном изучении.

Мы постарались показать, что император Петр III проводил в отношении высшего слоя офицерского корпуса военно-морского флота вполне сознательную, целенаправленную и разумную политику. Результатом ее стало выдвижение на командные должности зарекомендовавших себя в кампаниях Семилетней войны офицеров, способных осуществлять эффективное руководство во всех областях военно-морского дела. При этом кадровые решения императора основывались не на личном субъективном мнении, а на рекомендациях компетентных специалистов. Разумеется, тема требует дальнейшего изучения в самых различных аспектах. Так логично было бы теперь рассмотреть деятельность Комиссии о российских флотах применительно ко всему военно-морскому офицерскому корпусу. Думается, что в изучении различных аспектов истории России, как времени Петра Федоровича, так и шире, всего XVIII в., будущее за введением в оборот и взвешенным анализом новых источников.

¹ Мильников А.С. 1) Искушение чудом: „Русский принц“, его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991; 2) Петр III // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 43–58; 3) „Он не похож был на государя...“: Петр III. Повествование в документах и версиях. СПб., 2001; 4) Петр III: Повествование в документах и версиях. М., 2002; Leonard C. Reform and Regicide. The Reign of Peter III of Russia. Bloomington-Indianapolis, 1993.

² Каменский А.Б. 1) Российская империя в XVIII веке: Традиции и модернизация. М., 1999. С. 211–217; 2) От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999. С. 270–274, 305–314. См. там же анализ новейшей литературы вопроса.

³ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958. С. 303.

⁴ Леонов О., Ульянов Н. Регулярная пехота 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995. С. 123–125.

⁵ См. краткие сведения о ней: Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. XIII. С. 71; Бабич М.В. Государственные учреждения России XVIII в.: Справочное пособие. М., 1999. С. 108.

⁶ См.: Калашиников Г.В. Влияние участия в Семилетней войне на служебную карьеру офицеров русской армии // Суворовские чтения: Ноябрь 2000. СПб., 2001. С. 22–28.

⁷ См., напр.: Валькович А. Голштинский принц и русская гвардия // Цейхгауз: униформа, награды, оружие, знамена, геральдика. М., 2000. Вып. 2 (11). С. 8–13.

⁸ Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. СПб., 1893. Вып. 1. С. 116–118.

⁹ Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. X. С. 659–699.

¹⁰ См. напр.: Арес Е.И. История русского флота. Екатерининский период. СПб.,

1897. С. 64–65; Белавенец Л.И. Материалы по истории русского флота. М.–Л., 1940. С. 71; Адмиралтейские верфи. Корабли и годы 1704–1925. СПб., 1994. С. 51; Алхименко А.П., Доценко В.Д. История российского флота 1696–1917 гг. СПб., 1995. С. 47.

¹¹ Материалы для истории русского флота. Ч. X. С. 659–661.

¹² Мильников А.С. Петр III: Повествование в документах и версиях. С. 190; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. С. 331.

¹³ Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова, писанные собственною его рукою. СПб., 1868. С. 60–63 (примечания С.И. Елагина).

¹⁴ Морская комиссия Петра III / Подг. к публикации и коммент. К.Л. Козюренко // Гангут: Сб. ст. СПб., 1998. Вып. 17. С. 15–26.

¹⁵ Там же. С. 18.

¹⁶ Там же. С. 20.

¹⁷ Биографические сведения о них см.: Там же. С. 24.

¹⁸ Там же. С. 18.

¹⁹ Там же. С. 19–20.

²⁰ Там же. С. 19.

²¹ Там же. С. 18.

²² См.: Там же. С. 20–21.

²³ Там же. С. 20.

²⁴ РГАВМФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 145. Л. 12–31 об.

²⁵ Морская комиссия Петра III. С. 21.

²⁶ Материалы для истории русского флота. Ч. X. С. 663–666.

²⁷ РГАВМФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 145. Л. 12.

²⁸ Там же. Д. 5. Л. 32–33.

²⁹ Там же. Д. 145. Л. 12; Материалы для истории русского флота. Ч. X. С. 663.

³⁰ Коробков Н.М. Русский флот в Семилетней войне. М., 1946. С. 137.

³¹ РГАВМФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 145. Л. 12 об., 13.

³² Материалы для истории русского флота. Ч. X. С. 674.

³³ Там же. С. 663.

³⁴ Об этом см.: Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М., 2002. С. 102–106.

³⁵ Биографические сведения о них см.: Общий морской список. СПб., 1885. Ч. I. С. 100–104.

³⁶ РГАВМФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 145. Л. 12 об.

³⁷ Биографические сведения см.: Общий морской список. Ч. I. С. 247–251.

³⁸ РГАВМФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 145. Л. 12 об.

³⁹ Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. XI. С. 23.

⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 145. Л. 13.

⁴¹ Материалы для истории русского флота. Ч. X. С. 670.

⁴² Биографические сведения см.: Общий морской список. СПб., 1885. Ч. II. С. 419–420.

⁴³ РГАВМФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 145. Л. 13 об.

⁴⁴ Материалы для истории русского флота. Ч. X. С. 680.

⁴⁵ Там же. С. 664.

⁴⁶ РГАВМФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 145. Л. 14.

⁴⁷ Биографические сведения см.: Общий морской список. Ч. I. С. 208–210.

⁴⁸ Материалы для истории русского флота. Ч. X. С. 664.

- ⁴⁹ РГАВМФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 145. Л. 14 об.
- ⁵⁰ Биографические сведения см.: Общий морской список. Ч. II. С. 334–336.
- ⁵¹ РГАВМФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 145. Л. 14 об.
- ⁵² Материалы для истории русского флота. Ч. X. С. 683.
- ⁵³ РГАВМФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 145. Л. 14.
- ⁵⁴ Материалы для истории русского флота. Ч. X. С. 664.
- ⁵⁵ Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова. С. 34.
- ⁵⁶ Там же. С. 63.
- ⁵⁷ РГАВМФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 145. Л. 15.
- ⁵⁸ См.: *Мыльников А. С.* Петр III: Повествование в документах и версиях. С. 143–144.
- ⁵⁹ РГАВМФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 145. Л. 14–14 об.
- ⁶⁰ Материалы для истории русского флота. Ч. X. С. 663.
- ⁶¹ Там же. С. 664; РГАВМФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 145. Л. 15.
- ⁶² Там же. Л. 16.
- ⁶³ Материалы для истории русского флота. Ч. X. С. 664.
- ⁶⁴ РГАВМФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 145. Л. 16.
- ⁶⁵ Биографические сведения см.: Общий морской список. Ч. II. С. 265–266.